

Аркадий Адамов

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЖАНР — ДЕТЕКТИВ (отрывок из книги)

...

А теперь настало время обратиться к самому популярному из известных у нас “классиков” детективного жанра — к Артуру Конан Дойлю и к его знаменитому, я бы даже сказал, неслыханно знаменитому герою, имя которого стало уже нарицательным в языке чуть не всех народов мира, в том числе и у нас, — к Шерлоку Холмсу.

Здесь, мне кажется, нас ждёт тоже удивительная загадка, правда, совсем иного рода, чем у Э. По, отгадать которую конечно же пытались многие исследователи. И ответ тут, мне кажется, должны дать не только литературоведы, но и социологи, психологи, а возможно, и историки, и криминологи даже, — словом, все, кто так или иначе причастен к изучению общественной психологии, формированию вкусов, интересов людей, их этических и эстетических взглядов и пристрастий и влияния на всё это политических, социальных и экономических факторов. В самом деле, удивительный литературно-психологический феномен предстаёт тут перед нами.

Но давайте разберёмся во всем последовательно, пойдём от простого к сложному, от ясного к неясному.

Попытаемся на минуту отвлечься от эмоций, от восхищения, симпатии и удивления, когда думаем о бесподобном Шерлоке Холмсе и его подвигах. Какова схема, по которой неизменно строится ход раскрытия преступления в любом из бесчисленных повествований о Шерлоке Холмсе? Она легко прослеживается, автор не только не делает из этого секрета, он буквально навязывает её нам. Это великий детектив, всё замечающий, всё улавливающий, всё анализирующий, знающий тысячи самых неожиданных вещей, помогающих сыску, о которых обычный человек не имеет ни малейшего представления, и рядом простак Уотсон, непрерывно удивляющийся, восхищающийся, пугающийся — словом, переживающий всё, что должен пережить и читатель,

столкнувшись с таким гением сыска, как Холмс, но одновременно ещё Уотсон и подыгрывает ему, помогает его как бы “самовыражению”.

Но ведь это же точный сколок, абсолютное подражание Э. По и героям его детективных новелл. Правда, разорившегося, меланхолического интеллектуала-аристократа Дюпена тут заменил энергичный, образованный английский джентльмен со стальными мышцами. Да и вообще всё проступает куда ярче, куда значительнее в рассказах Конан Дойля, — и мотивы разнообразнейших преступлений, с разной мерой глубины вскрывающие механизмы общественной жизни, социальной структуры общества и глубину человеческих страстей; и окружающие героев реалии — ландшафты различных районов Англии, шумные лондонские улицы, конторы, лавки, особняки знати, фешенебельные клубы, старинные поместья; и бесчисленные образы людей, самых разных, из всех слоёв общества, — всё здесь почти осязаемо, достоверно и сочно выписано, порой просто мастерски, на мой взгляд. Да, это всё нам запоминается куда лучше, чем в новеллах Э. По. И потому ещё, что рассказов о Холмсе так много. Кстати, почти в каждом из них великий детектив выявляет какую-то новую чёрточку своей необыкновенной натуры или новую деталь биографии или ярче проявляются уже знакомые нам черты — и он становится всё знакомее, всё достовернее.

Однако отнюдь не всё, на мой взгляд, может импонировать в Холмсе, далеко не всё. Я уж не говорю о постоянных впрыскиваниях кокаина и глуповатом женоненавистничестве, но и непрерывное хвастовство, безграничное, высокомерное самомнение Холмса, его поразительная ограниченность интересов и демонстративная, вызывающая необразованность во всём, что не касается сыска, которая и у современного ему читателя могла вызвать, в лучшем случае, лишь снисходительную усмешку, — всё это, согласитесь, отнюдь не привлекает симпатий к Холмсу. И не раз вызывает раздражение какая-то безоглядная, собачья преданность и любовь Уотсона, которого Холмс порой третирует так, что любой человек на месте этого простоватого и восторженного доктора давно бы уже обиделся, даже оскорбился и отказался от чести быть спутником и тем более эдаким “лето-

писцем” подвигов великого сыщика. Кстати, вы помните, как пренебрежительно иронизирует Холмс над его литературными опытами, разрешая, однако, как великое одолжение, себя описывать.

И тут я выскажу одну, вероятно, крамольную мысль. Мне кажется, не новой встречи с Холмсом ждал каждый раз читатель, нетерпеливо беря в руки очередной рассказ о нём, а новой страшной, таинственной загадки, которую загадает ему Конан Дойль, и того, каким образом разгадает её Шерлок Холмс. Без этих загадок Холмс был бы скучнейшим собеседником, за душой у которого не нашлось бы ничего интересного или хотя бы приятного. И, однако, он нам чрезвычайно интересен, когда занят своим главным делом, сыском. Тут он творит на наших глазах чудеса, тут он бывает почти гениален.

А теперь представим себе, что Холмс, как он есть, со всеми его малосимпатичными повадками, гениален совсем в другой области, допустим в финансах, в медицине или в парламентской деятельности, представим себе даже, что он полководец, или пират, или путешественник. Как вы думаете, приобрёл бы этот новый Холмс такую же головокружительную популярность? А ведь, скажем, Каупервуд у Драйзера куда ярче, симпатичнее, сильнее и отважнее Холмса, как и славный капитан Блад и тем более скромный и благородный охотник Натти Бумпо у Фенимора Купера. И, однако, ни один из них не сравнялся популярностью с Холмсом.

Так не обязан ли Холмс своей неслыханной популярностью не столько своим выдающимся талантам и богатству, оригинальности своей натуры, сколько необычной, загадочной и потому неизменно привлекательной сфере жизни, в которой он действует: тайне жуткого преступления, тайне убийства?

Тут можно и возразить: все эти рассуждения слишком умозрительны. Холмс действует в заданных автором обстоятельствах, действует так, что вызывает восхищение он сам, его рассуждения и поступки. В данных обстоятельствах действовали десятки знакомых нам героев, но никто из них, однако, не проявил столько таланта, знаний, упорства, а порой и отваги, как он. Что же касается его хвастовства, заносчивости и прочих человеческих слабостей и недостатков, то всё это лишь делает бо-

лее достоверным его необычный характер и легко прощается, а то и просто не замечается читателем.

Не последнее значение в фантастической популярности Шерлока Холмса имели его демократизм и неизменная готовность, даже нетерпеливое желание немедленно прийти на помощь любому человеку, который в ней нуждается, всё равно кому, от премьер-министра до бедной девушки-гувернантки, и каждый может быть уверен, что Холмс не пожалеет себя, не пожалеет времени и сил, чтобы избавить их от опасности, раскрыть окружающую их тайну. Чёрт возьми, какое это счастье, иметь тут, в Лондоне, под рукой, такого гениального и отзывчивого человека!

Правда, отзывчивость эта покажется весьма относительной, даже сомнительной, если вспомнить, например, характеристику, которую дал своему великому другу сам Уотсон: “Всеякие чувства... были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир”. Вспомните к тому же, как мучился Холмс, когда мозг его не был занят разгадкой очередной страшной тайны, как был в такие дни подавлен, как почти умирал и в ход тогда шёл кокаин. В один из таких дней Уотсон писал: “Мы действительно переживали один из периодов бездействия. Это всегда мне доставляло немало беспокойства, ибо я по опыту знал, как опасно оставлять без работы его чрезвычайно активный мозг”. Это неоднократно повторял приятелю и сам Холмс: “Ум мой требует напряжённой деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал её, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете”.

Последние слова служат лишней иллюстрацией той малопривлекательной черты в характере Холмса, о которой я уже упоминал. А вообще-то его самомнение порой просто не знает границ, и он в этих случаях становится вовсе несносным,— к примеру, когда в разговоре с Уотсоном так отзывается об умнице и скромняге Дюпене, которому, по чести говоря, он должен быть благодарен буквально всем, чем наделил его автор: “Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент... А по-моему, ваш Дюпен — очень недалёкий малый”.

Да и демократизм Холмса может вызвать недоверие, если вспомнить такие, например, слова Уотсона о своём друге: он “нередко отказывал в своей помощи богатым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько загадочным и волнующим, что могло зажечь его воображение...”

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что характеристики Уотсона порой решительно расходятся с тем, что мы узнаем от него же о Холмсе. Так, например, чувства были всё же свойственны этой “мыслящей машине”, и каждый раз, когда его клиенту грозила смертельная опасность, Холмс не на шутку волновался.

Вспомните, как встревожился Холмс, когда молодой Опеншо получил по почте “пять апельсиновых зёрнышек” — смертный приговор ку-клукс-клана, с какой опаской отпустил он его домой. И юноша был убит в ту ночь у моста Ватерлоо. Узнав об этом, пишет Уотсон, “несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким потрясённым и угнетённым. “Это наносит удар моему самолюбию, — сказал он наконец. — Бесспорно, это мелкое чувство, но это наносит удар моему самолюбию. Теперь дело Опеншо становится для меня личным делом, и если бог ниспошлёт мне здоровье, я доберусь до этой банды. Он пришёл ко мне за помощью, а я послал его на смерть!” Он вскочил со стула,— продолжает Уотсон,— и в страшном волнении зашагал по комнате, нервно ломая длинные, тонкие руки. Бледное лицо его пылало”.

Вспомните ещё, какой смертельной опасности решил подвергнуть себя Холмс, лишь бы спасти жизнь несчастной мисс Стоунер, которую собирался убить её отчим с помощью “пёстрой ленты” — болотной гадюки, самой смертоносной из змей в Индии. Холмс был полон искреннего сочувствия к бедной девушке, и, когда та призналась, что у неё сейчас нет денег, чтобы уплатить ему за услугу, он с наигранной беспечностью уверил её, что ему не надо никакого вознаграждения, “так как моя работа и служит мне вознаграждением”.

Таким образом, облик Холмса вырисовывается перед нами довольно ясно. Во всех своих положительных качествах он не-

зауряден: отвага, ум, хладнокровие, находчивость и упорство, наконец, отзывчивость. Но всё это было присуще многим из героев этого плана. Впрочем, его чудовищная необразованность во всём, что не касалось задач сыска, — помните, он даже не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, и его раздражённое, самоуверенное: “на кой чёрт мне это надо знать?!” — всё же заметно выделяла его даже из этого малоинтеллектуального ряда героев, но лавров к его венку, очевидно, не добавляла.

Хотя и это, мне кажется, вызывая добродушную усмешку, всё же запоминается как некое чудачество героя, а заодно, между прочим, лучше запоминается и сам герой.

Я здесь не упоминаю о других, тоже малоприятных чертах характера Холмса, о которых говорилось выше. Они почти незаметны на фоне непрерывного демонстрирования качеств выдающихся, как четвертьсекундная, но настойчивая американская реклама по ходу демонстрации какого-нибудь вестерна, и всё же откладываются в памяти, помогая формированию в читательском сознании объёмного, почти осязаемого образа литературного героя.

Этот приём тоже является немалым вкладом в копилку жанра в период его, так сказать, “первоначального накопления”.

Именно поэтому возникающее при первом знакомстве с Холмсом убеждение в его заданности, нереальности, “придуманности” в конце концов уступает почти неосознанному ощущению его достоверности, хотя и исключительности, и необычности, и экстравагантности.

Мне кажется, тут работает ещё и фактор, о котором я уже упоминал: очень много рассказов о Холмсе, много увлекательных, таинственных историй, в которых он участвует, небывало много именно отдельных историй, а это существенный элемент запоминания. Два-три романа того же общего объёма не имели бы подобного эффекта. Тем более что тут добавляются по крайней мере ещё два элемента.

Первый — это ожидание, нетерпеливое, даже страстное ожидание новых рассказов о необычайных похождениях героя. За семь лет встреч и ожиданий — с 1887 года, когда была опубликована первая повесть о Шерлоке Холмсе “Этюд в багровых тонах”, и по 1893 год, когда наконец Конан Дойль решил изба-

виться от утомившего его героя и написал рассказ “Последнее дело Холмса”, — за эти семь лет читатель так привык и так по-прежнему жаждал всё новых и новых встреч с великим сыщиком, что заставил автора спустя несколько лет воскресить своего героя.

Второй элемент запоминания, который использовал Конан Дойль, это повторяемость приёма, сюжетной схемы, по которой неизменно строятся все рассказы о Холмсе. Ничто тут не отвлекает своей новизной, не будоражит внимания, всё знакомо, всё привычно, как старая удобная куртка, в которой так приятно отправиться на прогулку. Автор как бы говорит читателю: “Всё начинается как всегда. Вспомни, как было прежде”.

И действительно, мы снова и снова оказываемся на знакомой нам Бейкер-стрит, в доме номер 221-б, в уютной гостиной, где потрескивают поленья в камине. А за окном свистит пронизывающий ледяной ветер или льёт проливной дождь. Холмс и Уотсон, расположившись в удобных креслах и покуривая трубки, ведут неторопливый разговор. Как вдруг... в дом врывается объятый страхом, не понимающий, что вокруг него происходит, человек, и с ним приходит тайна страшного преступления. И дальше тоже всё пойдёт установленным порядком. Сначала мы выслушаем загадочную историю, потом, после ухода клиента, Холмс всё увяжет и объяснит или исчезнет на день-два для сбора недостающих данных и, наконец, взяв с собой Уотсона, отправится на место событий для задержания и разоблачения преступников.

На протяжении целого ряда лет десятки историй с участием Шерлока Холмса были изложены по этой схеме, порой лишь с незначительными отступлениями.

Замечу ещё, что весьма импонировал читателю и энергичный, деловой, напряжённый стиль Конан Дойля. Никаких отступлений, если только они не имеют прямого отношения к сюжету, никаких лишних подробностей и длиннот в описании местности, пути следования или временных пауз. Все промежуточные, второстепенные поступки и действия опускаются: “пошли — пришли”, “жду такого-то — вот он, уже звонит в дверь или переходит улицу”, “жду письмо — вот оно, уже на столе с утренней почтой”.

А ведь это время, когда были ещё в ходу длиннейшие, неторопливые, скрупулёзные описания обстановки, костюмов, ландшафтов, мыслей и чувств героев. На это тратились не строчки, как у Конан Дойля, не абзацы, а целые страницы, и стиль создателя Шерлока Холмса мог показаться прямо-таки телеграфным.

Кстати, здесь мы наблюдаем существенное отличие Конан Дойля от По и Коллинза. Э. По любил длинно порассуждать о достижениях современной ему науки и с дотошной тщательностью, не упуская ни одной детали, обосновывал каждое, даже самое малозначительное наблюдение и вывод Дюпена. Коллинз же с удовольствием вникал в образ каждого очередного рассказчика, не скупясь на место, позволял им то и дело болтать о чём угодно, лишь бы ярче и полнее обнажались при этом их своеобразный характер, вкусы, манеры, чаще всего не имевшие никакого отношения к развёртывавшимся событиям сюжета. Энергичный, деловой лаконизм Конан Дойля, отнюдь не переходивший в бедность и сухость, был куда органичнее для событий, о которых шла речь, а главное — для нового жанра с его напряжённым драматизмом, жутковатой таинственностью, энергией поиска и поминутно грозящей опасностью. Вот что уловил Конан Дойль. Он привнёс в жанр соответствующий его специфике стиль, язык. И это тоже немало способствовало популярности рассказов о Холмсе.

Но есть ещё один “взнос” в копилку жанра, который сделал Конан Дойль. Он включил в свои детективные рассказы новый, необходимый элемент, который не заинтересовал и не оценил По, хотя он и “поймал” его, но, повертев в руках, равнодушно отложил в сторону. Элемент этот можно обозначить словом “опасность”.

Сама по себе “опасность” не была новостью в рассказах и романах времён Конан Дойля и По. “Романы ужасов”, как известно, существовали уже давно, и романы о преступлениях, не говоря уже о рыцарских романах, морских и других, им подобных. Всюду были свои опасности, и любая из них заставляла сильнее биться сердца читателей.

Но не забудем, что детектив родился как “логический рассказ”, по определению По, как рассказ-поиск, рассказ-загадка,

рассказ-исследование, где лишь тонкая наблюдательность, точный, остроумный анализ, последние достижения науки и обострённый интеллект решали успех дела.

И вот у Конан Дойля ко всему этому вдруг добавилась жуткая, смертельная опасность, грозившая его герою чуть не на каждом шагу.

Помните, как в рассказе “Пёстрая лента” Холмс и Уотсон ждут ночью в комнате мисс Стоунер появления страшной змеи, помните выражение ужаса и отвращения на лице Холмса, когда он, как бешеный, хлестал в темноте тростью? “Забуду ли я когда-нибудь эту страшную, бессонную ночь!” — восклицает Уотсон.

А рассказ “Последнее дело Холмса” весь, как помните, посвящён не раскрытию преступления, а открытой, смертельной схватке Холмса с “Наполеоном преступного мира” профессором Мориарти, и в конце концов Холмс даже будто бы погибает от руки этого “сверхпреступника”.

Впрочем, кто только не покушался на жизнь Холмса, с кем только не приходилось ему вступать в открытую борьбу, мерясь силой, ловкостью, находчивостью и искусством стрельбы из пистолета.

Напомню ещё, что полковник Моран в рассказе “Пустой дом” стрелял в Холмса из особого и бесшумного духового ружья и Холмс задержал его после нелёгкой борьбы, в которой принял участие и Уотсон. Затем Джозеф Харрисон в истории с морским договором кинулся на Холмса с ножом, и тому пришлось положить немало сил, прежде чем взять верх в этой схватке. А чего стоит попытка мистера Келвертона Смита заразить Холмса смертельной азиатской болезнью? Чтобы разоблачить этого доктора-убийцу, Холмсу потребовалось, как вы помните, три дня истязать себя, симулируя эту болезнь. Следует, пожалуй, упомянуть и о схватке Холмса с коварным и звероподобным графом Сильвиусом и его подручным, громадного роста профессиональным боксёром Мёртоном, из-за бесценного жёлтого камня Мазарини, похищенного Сильвиусом из дома премьер-министра. Это просто счастье, что страшный удар графа пришёлся не по Холмсу, а по восковому его изображению. Ну а в схватке с “убийцей Эвансом” из рассказа “Три Гарриде-

ба” огнестрельную рану получил уже бедняга Уотсон.

Да, все эти опаснейшие приключения чрезвычайно обострили всеобщий интерес к рассказам Конан Дойля. Впервые читатели не только с жгучим интересом следили за разгадкой таинственного и кошмарного преступления и всей душой жаждали справедливой кары преступнику, но ещё и ужасались, и трепетали, видя или только ожидая неминуемую смертельную опасность, навстречу которой отважно шёл Холмс.

Но всё же главное, что приводило в изумление и привлекало читателей в Холмсе, главное, что определило его действительно всемирную популярность, — это поразительная наблюдательность и умение анализировать увиденное.

Это были два из трёх главных компонентов (третий— специальные научные знания) знаменитого “метода” Шерлока Холмса, который он весьма торжественно и со свойственным ему хвастливым апломбом изложил при первой же встрече с читателями, в повести “Этюд в багровых тонах”. Глава эта так и называется: “Искусство делать выводы”. В основном она наполнена изумлением, недоверием и устыжением Уотсона в связи с этим методом, а сердцевину составляет лаконичное его изложение в статье самого Холмса под претенциозным, как замечает Уотсон, названием “Книга жизни”.

В этой статье, продолжает он, “автор утверждал, что по мимолётному выражению лица, по произвольному движению какого-нибудь мускула или по взгляду можно угадать самые сокровенные мысли собеседника”. И дальше Уотсон продолжает, уже цитируя самого Холмса: “По одной капле воды,— писал автор, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видел ни того, ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену... Прежде, чем обратиться к моральным и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собой наибольшие трудности, пусть исследователь начнёт с решения более простых задач... По ногтям человека, по его рукавам, обуви и сгибе брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки —

по таким мелочам нетрудно угадать его профессию”.

В ответ на иронические и недоверчивые комментарии Уотсона великий детектив тут же демонстрирует свою теорию на практике, и пристыженный Уотсон в изумлении разевает рот.

— ...Вы, кажется, удивились, когда при первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана.

— Вам, разумеется, кто-то об этом сказал.

— Ничего подобного. Я сразу догадался, что вы приехали из Афганистана... Ход моих мыслей был такой: “Этот человек по типу — врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо блее. Лицо измождённое, — очевидно, немало натерпелся и перенёс болезнь. Был ранен в левую руку — держит её неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же в Афганистане”.

Вот тут-то и возник известный уже нам разговор об Эдгаре По, к которому я сейчас хотел бы вернуться.

Уотсон отвечает на догадку Холмса:

— ...Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Алана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах.

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

— Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен — очень недалёкий малый”.

После чего Холмс даёт ещё один урок своему другу, уже из области наиболее трудной, как он сам отметил это в своей статье, — он угадал не профессию, но мысли своего собеседника.

Как-то утром Холмс занимался своими химическими опытами. Тут же рядом, естественно, был и его неизменный друг.

— Итак, Уотсон, — сказал Холмс внезапно, — вы ведь не собираетесь вкладывать свои сбережения в южно-африканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычным способностям Холмса, это внезапное вторжение в мои мысли было совершенно необъяснимым...

Видите ли, дорогой мой Уотсон... — он укрепил пробирку

на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории. — Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. Взглянув на впадину между большим и указательным пальцем вашей левой руки, мне было совсем нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

— Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

— Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером вы вернулись из клуба, впадина между указательным и большим пальцами вашей левой руки была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном, в-четвёртых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южно-африканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать ваши деньги в южно-африканские бумаги”.

А вот теперь давайте посмотрим, как точно такой же анализ продельывает “недалёкий малый” Дюпен за сорок с лишним лет до Шерлока Холмса.

Тут я должен извиниться за новую длинную цитату, но, мне кажется, куда скучнее пересказывать всё своими словами, а обойтись без этих цитат нельзя: мы подошли к важнейшему пункту в сложной проблеме причин популярности у миллионов людей литературного героя типа Шерлока Холмса.

Итак, Дюпен идёт однажды ночью со своим другом по парижской улице. На друга неожиданно налетает продавец яблок и толкает его на грудь булыжника. Тот ушиб ногу, посмотрел на камни и молча двинулся дальше. Вдруг Дюпен прервал молча-

ние:

“— Действительно, он совсем карлик и больше бы годился для театра “Варьете”.

— Без сомнения,— отвечал я машинально и не заметил в эту минуту, как странно эти слова согласовались с моими мыслями. Но тотчас же я опомнился, и изумлению моему не было границ”.

Дюпен упомянул о некоем сапожнике, который при неожиданном поступлении на сцену изменил свою фамилию на Шантильи и провалился в роли Ксеркса, о чём писали газеты.

И вот Дюпен в ответ на настойчивые вопросы друга объясняет ему ход своих мыслей. Скромняга Дюпен даже несколько смущён необходимостью этих объяснений. Хвастливо самодовольные интонации Холмса ему вовсе не свойственны, хотя его анализ мыслей собеседника, на мой взгляд, куда тоньше, изящнее и глубже. Впрочем, судите сами.

Дюпен поясняет:

“— ...Вы шли, опустив голову, сердито поглядывая на рытвины и выбоины мостовой (стало быть, думали ещё о камнях), пока не дошли до переулка Ламартина, вымощенного, в виде опыта, тёсаными камнями. Тут ваше лицо просветлело, и по движению ваших губ я догадался, что вы прошептали слово “стереотомия” — термин, который почему-то применяется к этого рода мостовым. Я знал, что слово “стереотомия” должно вам напомнить об атомах и, следовательно, о теории Эпикура; и так как в нашем последнем разговоре на эту тему я сообщил вам, как удивительно смутные искания благородного грека подтверждаются новейшей небесной космогонией, то и мог ожидать, что вы невольно взглянете на большое туманное пятно Ориона. Вы взглянули на него; это убедило меня, что я действительно угадал ваши мысли. Но в насмешливой статье о Шантильи во вчерашнем номере “Musee” автор, издеваясь над сапожником, переменившим фамилию при поступлении на сцену, цитировал латинский стих, о котором мы часто говорили. Вот он... “Звук древний утратила первая буква”. Я говорил вам, что это относится к Ориону, называвшемуся раньше Урионом, и связанная с этим объяснением игра слов заставляла меня думать, что вы не забыли его. В таком случае представление об

Орионе должно было соединиться у вас с представлением о Шантильи. Что это сопоставление действительно мелькнуло у вас, я заметил по вашей улыбке. Вы задумались о фиаско бедного сапожника. До тех пор вы шли вашей обычной походкой, теперь же выпрямились. Очевидно, вы подумали о малом росте Шантильи. Тут я и прервал нить ваших мыслей, заметив, что он, Шантильи, действительно карлик и был бы больше на месте в театре “Варьете”.

Мне кажется, Холмсу следовало бы поостерегаться так прездительно отзываться о своём предшественнике. Впрочем, это вполне в его характере.

Тут стоит несколько задержаться. Ведь ясно же, Конан Дойль не мог не заметить, что герой Э. По, по крайней мере, нисколько не уступает его Холмсу в наблюдательности и глубине анализа. В этих условиях любой автор поостерегся бы вложить в уста своего любимого героя такие высокомерные и самодовольные слова, хотя бы потому, что читателю ничего не стоило обратиться к новеллам По и немедленно уличить Холмса. Зачем же Конан Дойль пошёл на это? Ответ, мне кажется, один: он сознательно хотел вложить в характер Холмса, а затем осудить эту неприятную, даже неумную хвастливость. Конан Дойль, очевидно, не хотел создавать во всех отношениях идеального героя. Это был ещё один способ сделать его реальным, придать ему живые, человеческие черты, на этот раз пусть даже отрицательного свойства, но, впрочем, вполне второстепенные, которые отнюдь не зачёркивали, не закрывали от читателя его главные, выдающиеся достоинства. Больше того, эти достоинства почти скрадывают столь безобидные недостатки, делают их чуть ли не милыми чудачествами, только и всего. Но живая краска добавлена, реалистическая выпуклость характера явно обозначилась, и образ главного героя, великого детектива, стал богаче, разностороннее, достовернее. Кстати, с этой же целью, вероятно, появились в характере Холмса и некоторые другие, тоже не слишком приятные черты, вроде, например, его вопиющей, даже агрессивной необразованности.

Этот метод Конан Дойля в обрисовке образа своего главного героя тоже обогащал молодой жанр, поднимал, так сказать, планку его чисто литературного, художественного уровня.

Но продолжим ещё немного наш сравнительный анализ.

Да, Дюпен, я уверен, всё же проницательнее и тоньше Холмса, его ассоциации интеллектуальнее, “духовнее”. Ведь Холмс, обратите внимание, чаще всего исходит из еле заметных, но чисто внешних, так сказать, “материальных” признаков, которые зацепляет его изощрённый взгляд, будь то следы мела на руке, или пятнышко грязи на ботинке, или лёгкие царапинки на крышке часов. Ну а порой он приводит в изумление простака Уотсона и вовсе банальными методами, о которых якобы не подумали лучшие сыщики Скотленд-Ярда, вроде установления роста человека по ширине его шага или количества людей, зашедших ночью в дом, по следам на сырой дорожке сада.

И все же Холмс своими способностями поразил воображение читателей, и не только современников. Это конечно же не случайно. Дело не только в том, что рядовой читатель настолько неискущён в сыскной работе, что самый банальный приём кажется ему необычайным открытием. А также не в том, что Уотсон своими изумлёнными и восхищёнными репликами как бы исподволь настраивает на этот лад и самого читателя. Главное всё же, как мне кажется, в том, что в большинстве случаев великолепная выдумка автора, его поистине неистощимая фантазия позволяет Холмсу демонстрировать свою очевидную незаурядность в самых, казалось бы, запутанных и таинственных ситуациях. А таких ситуаций, повторяю, Конан Дойль придумал множество.

Здесь, кстати, кроется и ещё одна причина не только популярности Шерлока Холмса, но и восприятия его читателем как вполне реального, достоверного, даже в самом деле существующего человека, и больше того — причина прямой потребности в таком именно герое.

Действительно, при заданных автором совершенно необычных, загадочных и опасных обстоятельствах психологически вполне объяснима, оправдана и даже неизбежна тяга, а точнее — потребность у читателя видеть именно такого, совершенного, без страха и упрёка, гения сыска. Ведь именно он, и только он, в состоянии распутать клубок улик, найти не видимые никому следы и отважно, хладнокровно пройти нелёгкий путь к истине, спасти одних, снять несправедливые подозрения с других и,

наконец, разоблачить истинных преступников. И там, где ничего не могут сделать официальные власти, сыщики Скотленд-Ярда, это сделает Шерлок Холмс, сделает для любого, кто к нему обратится за помощью.

И вот тут следует обратить внимание ещё на один момент, тоже сыгравший немалую роль в огромной популярности Шерлока Холмса во всём мире.

Ведь чуть не в каждом расследовании Холмс даёт наглядный урок мастерства недалёким, неумелым и малообразованным инспекторам Скотленд-Ярда, даже лучшим из них, по отзывам самого Холмса, вроде Грегсона или Лестрейда. Этим последним, при всей их самоуверенности, нахрапистости и энергии, ничего не удаётся сделать в тех сложных ситуациях, которые придумывает автор, они тыкаются в разные стороны, как слепые щенки. Ни Грегсон, ни Лестрейд конечно же не в состоянии тягаться с Холмсом, рядом с ним они теряются, линяют и, пряча самолюбие, вынуждены каждый раз признавать его превосходство.

Такое посрамление официальных властей, которыми всегда недовольны, ибо на практике, в жизни, слишком часто оказывается всё далеко не так, как в книгах, такое посрамление, повторяю, приносило удовлетворение рядовому англичанину, который привык ругать полицию, да и сам повседневно наблюдал достаточно много неприглядного в её деятельности.

А Шерлок Холмс не устаёт иронизировать и насмехаться над сыщиками из Скотленд-Ярда, экзаменовывать их, с явным удовольствием и злорадством подчёркивая их ошибки и пробелы в расследовании.

Выведенный из себя Лестрейд наконец не выдерживает и самоуверенно огрызается: “Смейтесь сколько угодно, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, человек начитанный и умный, но в конечном счёте старая ищейка даст вам несколько очков вперёд”.

Ох, как жестоко поплатился Лестрейд за эти необдуманные слова.

Однако до того, как это случилось, Холмса ловко обманул преследуемый им преступник, и великий детектив с досадой воскликнул: “Что угодно, лишь бы мои дружки из Скотленд-Ярда не пронюхали об этом! Я столько раз издевался над ними,

что они ни за что не простят! А посмеяться над собой я имею право — я ведь знаю, что в конечном счёте возьму реванш!”

Он взял великолепный реванш и буквально на глазах изумлённых сыщиков Скотленд-Ярда схватил убийцу.

И вот тут автор делает ещё один ход, окончательно привлекающая читательские симпатии к своему герою.

После блестящего завершения этого сложного дела восторженный и наивный Уотсон, выслушав объяснения Холмса о том, как ему всё это удалось, восклицает: “Просто чудеса! Ваши заслуги должны быть признаны публично”.

Но в ответ Холмс протягивает ему свежий номер газеты, и возмущённый Уотсон читает там следующее: “...уже ни для кого не секрет, что честь ловкого разоблачения убийцы всецело принадлежит известным сыщикам из Скотленд-Ярда, мистеру Грегсону и мистеру Лестрейду. Преступник был схвачен на квартире некоего мистера Шерлока Холмса, сыщика-любителя, который обнаружил некоторые способности в сыском деле; будем надеяться, что, имея таких учителей, он со временем приобретёт навыки в искусстве раскрытия преступления”.

Этот, казалось бы, почти запрещённый и уж во всяком случае достаточно наивный приём действовал, однако, на читателя безотказно. Несправедливость в отношении такого человека, как Шерлок Холмс, воспринималась всеми, во-первых, как вполне достоверный очередной выпад лживых газетных писак и, во-вторых, как выпад на этот раз особенно наглый, ибо направлен был против человека, который только что, на глазах у читателя, совершил нечто неслыханное, для других недоступное, и в первую очередь для тех, кому теперь так открыто и нагло приписываются его заслуги.

Вот эти отношения Холмса с официальной полицией — ещё один существенный и весьма плодотворный “взнос” Конан Дойля в “копилку” жанра.

Справедливости ради следует напомнить, что подобный “урок” полиции дал ещё Дюпен, к которому префект Парижа вынужден был дважды обращаться за помощью. Но и тут Э. По лишь прикоснулся к этой теме, лишь указал на неё, сам, однако, торопливо пройдя мимо, ибо в системе “логических” рассуждений Дюпена его отношения с полицией роли не играли. И всё же

честь “первооткрытия” темы принадлежит По. Но Конан Дойль первым разработал её в полную меру, показал заложенные в ней возможности. Это, мне кажется, тоже немалая заслуга и существенный вклад в развитие жанра.

Этот приём будут после него неоднократно использовать вплоть до наших дней, умело и совсем неумело, ремесленно, бездарно и в высшей степени творчески, многие авторы детективных романов на Западе. И наиболее талантливые и передовые по своим общественным взглядам писатели достигнут тут немалых успехов.

Мы с вами ещё убедимся в этом.

А пока что можно подвести некоторые итоги относительно места Конан Дойля в истории детективного жанра и вклада, который он внёс в его становление и развитие.

Нет, я решительно не согласен с мнением на этот счёт А. И. Куприна: “Конан Дойль, заполнивший весь земной шар детективными рассказами, всё-таки уместается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По “Преступление на улице Морг”.

В этих словах излишне много желчи и недостаёт справедливости.

Не вина, а заслуга автора, если его рассказы “заполнили”, а точнее всё-таки, обошли весь земной шар. Конечно, обойти земной шар могут, допустим, и пошлые истории о “подвигах” Ната Пинкертона, но с этой стороны Конан Дойль, мне кажется, вне подозрений.

В том, что рассказы Конан Дойля обошли земной шар, я вижу ещё и “заслуги” жанра, и дух времени, знамение эпохи, потребности всё более урбанизируемого общества и общественной психологии.

А вот “заслуги” жанра — это конечно же заслуги Эдгара По. И я бы назвал его первую новеллу “Убийство на улице Морг” не гениальным произведением — вторая его новелла, на мой взгляд, куда более значительна, — а гениальным открытием, ибо она знаменует собой рождение нового жанра.

И не “вместить” Конан Дойля в “футляр” этой новеллы, как ни старайся, ибо он не только охватил неизмеримо больший жизненный материал — типы, характеры, конфликты, быт, не

только вполне творчески развил и обогатил многое, на что лишь указал, к чему только лишь на миг прикоснулся По, но и сам кое-что нашёл и всем этим помог жанру сделать важнейший шаг в своём развитии, а всем последующим авторам детективных романов дал, мне кажется, немало весьма полезных советов.

Не говоря уже о том, что по существу и, так сказать, практически именно Конан Дойлю жанр обязан тем, что его заметили и полюбили читатели всей земли.

Мне кажется, и сам Конан Дойль понимал, какие тонкие и сильные струны задел он в душах своих бесчисленных читателей, как психологически точно рассчитал свои рассказы. Ведь именно об этом сказано в эпитафии на могиле писателя, которую сочинил для себя сам Конан Дойль: “Я выполнил свою простую задачу, если доставил хотя бы час радости мальчику, который уже наполовину мужчина, и мужчине, который всегда наполовину мальчик”. Да, в каждом мужчине сидит мальчишка, это особенно заметно женщинам. Писатель ошибся только в одном. Вторая, прекрасная половина человечества тоже с немалым энтузиазмом встретила его рассказы о великом сыщике.

...